

А. В. СОЛОВЬЕВ

По поводу Рижского списка «Слова о погибели Рускыя земли»

«Слово о погибели Рускыя земли» было долгое время известно лишь по одному списку, найденному Х. М. Лопаревым в рукописи XV в. в Псково-Печерском монастыре в 1892 г.

Однако в 1933 г. хранитель книжницы Гребенщиковской старообрядческой общины в Риге, И. Н. Заволоко, подготавливая выставку старинных рукописей, обнаружил в сборнике «Сложник святых отец» XVI в. текст жития Александра Невского, начинающийся тем же текстом «Слова», но уже под другим заглавием.¹ По фотографиям, посланным в Париж в 1937 г., этот текст был подготовлен к печати М. Б. Горлиным, но разразившаяся мировая война и трагическая смерть М. Б. Горлина заставили отложить издание его статьи о «Слове» до 1947 г.²

Между тем в феврале 1946 г. В. И. Малышев, знакомясь с собраниями древнерусских рукописей и старопечатных книг в Риге, тоже обратил внимание на сборник «Сложник святых отец» и подготовил к печати весь текст жития Александра Невского с его «поэтическим введением».³ Его издание снабжено фотографиями, как и издание Х. М. Лопарева, и мы можем теперь сравнить оба текста «Слова о погибели».

Сходство между обоими текстами бросается в глаза. Если прибавить, что и житие Александра Невского в Псково-Печерском сборнике «буквально совпадает» с Рижским текстом,⁴ то надо предположить, что Рижский текст XVI в. был просто списан с Псково-Печерского XV в. или что оба они восходят к общему протографу, что менее вероятно.

Все же сходство между текстами «Слова» не буквальное. Можно заметить целый ряд мелких разночтений, которые могут иногда дать интересные указания.

Писец XVI в., во-первых, упраздняет древний «ь» в середине слов и вместо русская, мѣсточестными, польми, зверьми, обительными, церковными, прававѣрная, бортьничаху — пишет: руская, мѣсточестными, полми, звѣрми, обителными, церковными, прававѣрная, бортничаху; он

---

¹ В. И. Малышев. О втором списке Слова о погибели Рускыя земли. (История открытия). — *Slavia*, XXVIII, 1. Прага, 1959, стр. 69—72.

² Michel Gorlin. Le dit de la ruine de la terre Russe et de la mort du grand prince Jaroslav. — *Revue des Etudes Slaves*, XXI, Paris, 1947, стр. 5—33.

³ В. И. Малышев. Житие Александра Невского (по рукописи середины XVI в., Гребенщиковской старообрядческой общины в Риге). — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, стр. 185—193.

⁴ В Рижском сборнике «помещена та же летописная редакция жития Александра Невского, от которой, впрочем, в Псково-Печерском сборнике сохранились начало и конец, буквально совпадающие с издаваемым ниже текстом жития» (см.: ТОДРЛ, т. V., стр. 187).

исключил и ошибочный «ь» в слове «испольнена» — «исполнена»; во-вторых, он часто заменяет «ы» оригинала гласной «и», именно вместо: многими (2 раза), холмы, поганыи, киевьскому, великыи (2 раза) — он пишет: многими (2 раза), холми, погании, киевьскому, великии (2 раза); впрочем, мы найдем и обратный случай: вместо «тоимици» он написал «тоймици»; в-третьих, написание «до немецъ» он заменил более правильным «до нѣмецъ», но зато ошибся в слове «отселъ», написав вместо него «отсѣле»; в-четвертых, по невниманию он написал «половицы» вместо «половци».

Все эти разночтения не существенны. Гораздо важнее отметить, что рижский копист сохранил некоторые своеобразия своего оригинала:

1) так, например, в Псковском списке интересно различие между формами «вѣра хртяньская» в начале текста и последующими начертаниями: «кртяньскому языку», «болѣзнь кртяном». То же чередование сохранилось в Рижском списке: хртяньская, кртяньскому, кртяномъ; особенно интересно, что во втором и третьем случаях копист решил затем исправить древнюю простонародную форму, переделав «к» на более ученое «х»: «хртяньскому», «хртяномъ»;

2) копист Рижского списка сохраняет иногда «ь» в середине прилагательных, например: хртяньская, поганьскыя, володимерьскаго;

3) он сохраняет даже такие своеобразные начертания Псковского списка, как: дубравами, прававѣрная, до немецъ, до болгарь, морьдва, Манамахоу;⁵

4) особенно знаменательна странная форма Псковского списка «и жюръ Мануиль» вместо «кюръ» или «чюръ» (ср. Кюрило—Чюрило): она была сохранена копистом Рижского списка, но затем изменена в «иже Рамануиль», что обличает непонимание истории;

5) обращает на себя внимание и форма «Володимеру и Манамаху»; это странное «и» находится одинаково в обоих списках; мы можем объяснить эту вставку лишь требованием дактилического ритма: «дѣду егѡ Володѣмеру и Манама́ху» дает правильный дактилический стих (пентаметр): последовательность пяти дактилей: +○○/+-○○/+-○○/+-○○/+-○, тогда как «Володимеру Манамаху» дало бы неудобное сочетание четырех неударяемых слогов: ○○○○○○○○○. Это наблюдение очень важно, ибо оно подтверждает предположение о том, что «Слово о погибели» было отдельным песенным текстом, позднее приставленным к прозаическому житию Александра Невского. Следует напомнить, что в известном отрывке песни о траве евшане, также приставленном к началу «Жития Даниила Галицкого» в XIII в., тоже стоит «Володимеръ и Мономах».⁶ Песенная традиция XIII в. требовала поставить этот, казалось бы, нелогичный союз между именем и прозвищем своего героя.

Отметим известную невнимательность кописта: он пишет «гдѣ бяху тамо» вместо «где тамо бяху», он перепутал знаки препинания и внес нелогичную пунктуацию,⁷ наконец, он три раза пропустил отдельные слова. Остановимся на этих пропусках.

В Псковском списке стоит: «до немецъ, от немецъ до корѣлы, от корѣлы до устьяга». В Рижском — «до нѣмецъ, до корѣлы, до устьяга».

⁵ Писец Рижского списка сперва написал «манаху», но затем надписал выносное «ма».

⁶ Так в лучшем, Ипатьевском списке; в Хлебниковском исправлено: «Володимер Мономах» (Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871, стр. 480).

⁷ О нелогичности пунктуации Рижского списка см. нашу статью (ТОДРА. т. XV. М.—Л., 1958, стр. 90—92).

Мы видим, что невнимательный копист дважды пропустил повторяющиеся слова, пропустил сперва «от нѣмецъ», а затем «от корѣлы». Эта гаплография вполне оправдывает наше предположение, что и в Псковском списке могли быть пропуски и что в протографе, вероятно, стояло «до литвы, от литвы», а несколько ранее «от угор до чахов, от чахов до ляхов, от ляхов до ятвязи».

*

Наконец, самым важным различием между обоими списками является то, что в Рижском списке нет заглавия «Слово о погибели Рускыя земли (и о смерти великого князя Ярослава)», так как копист решил заменить это неподходящее заглавие новым: «Житие блаженного великаго князя Александра Ярославича всеа Русии Невскаго», где уже титул «всеа Русии» указывает на то, что это позднее добавление, вероятно XVI в.

В. И. Малышев сказал по этому поводу: «Вновь найденный список, в котором, как и в Псково-Печерском сборнике, так называемое „Слово о погибели“ слито с житием Александра Невского, доказывает, что во всяком случае в XVI в. это „слово“ сознавалось предисловием к житию, а не самостоятельным произведением».⁸ Здесь у него осторожная оговорка: «во всяком случае в XVI в.», — и он не предрешает вопроса, как же было в XIII в. Но в статье 1959 г. он более категоричен, утверждая: «Открытие Гребенщиковского списка Жития Александра Невского, в котором „Слово о погибели Рускыя земли“ написано слитно с Житием, дает, на наш взгляд, новое и весьма веское свидетельство в пользу предположения, что „Слово“ является обычным предисловием к княжескому житию, как и другие предисловия такого рода, чье происхождение не вызывает сомнений... Гребенщиковский список — новое подтверждение псковского происхождения этой своеобразной редакции Жития Александра Невского».⁹

Насколько можно понять это не вполне ясное утверждение, В. И. Малышев хочет сказать, что «Слово о погибели» есть лишь предисловие к житию, но не первоначальное, а появившееся (неизвестно когда) в своеобразной «псковской редакции» жития Александра Невского.

Видно, что автор не может отрешиться от традиции Н. И. Серебрянского, считавшего «Слово» лишь вступлением к не дошедшему до нас «светскому житию» Александра Невского,¹⁰ но поскольку эта теория опровергнута возражениями С. А. Бугославского, Вернера Филиппа и Н. К. Гудзия,¹¹ В. И. Малышев сужает гипотезу Н. И. Серебрянского до новой гипотезы о «своеобразной псковской редакции».

Допустим, что существовала «псковская редакция» жития Александра Невского, но это было, собственно говоря, не новая редакция (ибо текст самого жития в Псково-Печерском и Рижском сборниках не переделан), а лишь произведенное в XV в. механическое соединение псковским переписчиком двух различных по стилю, ритму и словарю произведений — «Слова о погибели Рускыя земли» и жития Александра Невского. Самый

⁸ См.: ТОДРА, т. V, стр. 187.

⁹ В. И. Малышев, *Slavia*, XXVIII, 1, стр. 72.

¹⁰ Н. И. Серебрянский. 1) Слово о погибели Рускыя земли и Слово о начале Рускыя земли. — Труды Псковского церковного археологического комитета, т. I. Псков, 1910, стр. 176—202; 2) Древнерусские княжеские жития (из ЧОИДР). М., 1915, стр. 151—222. — То же мнение высказал и В. Мансикка (Житие Александра Невского. СПб., 1913, стр. 6—11).

¹¹ Н. К. Гудзий. О «Слове о погибели Рускыя земли». — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 531—536.

факт, что писец сохранил заглавие «Слова», которое никак не вяжется с житием, доказывает, что он имел перед собой два отдельных произведения XIII в.

Лишь в XVI в. новый переписчик заметил несообразность и заменил потерявшее свой смысл заглавие новым: «Житие блаженного великаго князя Александра Ярославича всеа Руси Невскаго».

Полагаем, что всякий непредубежденный читатель согласится с тем, что если в XVI в. «Слово» и сознавалось (писцом) как предисловие к житию, то этого нельзя сказать про писца XV в.; он еще ощущал различие между этими произведениями, выраженное в особом заглавии первого. А в XIII и XIV вв. это были два отдельных произведения.

Псковско-печерский писец хотел прибавить торжественное введение к житию Александра Невского, начинавшемуся слишком скромно: «Месяца ноября в 23 день преставися вел. князь Александр Ярославич в лето 6771. Скажем мужество и житие его». Нельзя согласиться с тем, что новое введение «является обычным предисловием к княжескому житию». Нет, оно весьма необычно, и никак нельзя предполагать, что псковско-печерский писец XV в. сочинил его от себя — в «Слове» нет ничего псковского, оно тесно связано с литературой Киевской Руси XII—XIII вв.

Именно, наличие особого заглавия «Слова о погибели» в сборнике XV в. и сознательная замена этого заглавия другим в списке XVI в. показывает нам медленный процесс постепенного слияния воедино двух разнородных памятников. В этом значении Рижского списка.
